

МИД России и греко-сербский договор в годы Первой мировой войны. (Обзор сборников дипломатических документов)

Одним из интереснейших источников об отношении МИД России к мировой войне начала XX в., в том числе к балканским государствам, стали сборники дипломатических документов, объединенные названием «Оранжевая книга»¹. Весной 1914 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет «Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. Август 1912 — июль 1913 гг.», изданный министерством иностранных дел. В нем была дана четкая позиция России в отношении балканских государств, которая во многом предопределила позицию МИД в годы Первой мировой войны. Другим ценнейшим источником для нашего исследования является недавно изданный МИД РФ объемный сборник архивных документов, посвященных деятельности министерства иностранных дел в годы Первой мировой войны², где также значительное место уделено Балканскому региону, в том числе помощи в войне союзнице Антанты — Сербии. Выступая с речью в Государственной думе 10 мая 1914 г. министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов сказал: «Мне трудно что-нибудь прибавить к документальным данным “Оранжевой книги”, поставившей целью осветить отношение России к Балканскому кризису. С другой стороны, я полагаю, нам надо с осторожностью подходить к еще не залеченным ранам и не улегшимся страстям. Задача России — задача умиротворения. Её заветы — беспристрастное благожелательство ко всем одинаково балканским государствам, сильная поддержка каждого из них, при условии, конечно, взаимной искренности, взаимного доверия». Сазонов пояснял, что события минувших войн расширили пределы каждого из балканских государств, но стоили многих жертв, много пролитой крови.

Теперь для каждого из них наступило время сосредоточенной мирной работы во вновь приобретенных областях. «Мы хотим верить, — заключал министр, — что, осуществляя эту благодарную задачу, балканские правительства придут к сознанию, что в целях укрепления государственности недостаточно приобрести земли, нужно стяжать привязанность и доверие новых граждан. Только при этом условии может быть достигнуто как внутреннее умиротворение, так и взаимное сближение всех этих государств. Сближение же необходимо в интересах каждого из них, для их мирного преуспеяния и ограждения независимости на основе всем понятного и близкого им лозунга “Балканы для балканцев”». При этом министр сказал, что «разрешение Балканского кризиса благоприятно отразилось на наших отношениях с Турцией»³.

Дневник МИД России, включенный в сборник дипломатических документов, является бесценным источником для понимания дипломатической «кухни», раскрывает смысл многих действий МИД накануне и в годы войны. Так, в Дневнике записано, что Россия еще 3 июля 1914 г. заявляла, что «не потерпит посягательства со стороны Австрии на целостность и независимость Сербии»⁴. В тот же день в Дневнике появилась запись о важном разговоре, произошедшем на вечере у хозяйки великосветского салона в Петербурге графини Марии Эдуардовны Клейнмихель. Итальянский посол в России (в 1913–1918 гг.) маркиз Андреа Карлотти спросил российского дипломата барона Эрнеста Отговича Шиллинга (генерального консула в Бреславле в 1912–1914 гг.; затем, в сентябре 1914 г., он был прикомандирован к миссии в Копенгагене. — *О. С.*), как отнесётся Россия к выступлению Австро-Венгрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии. Барон Шиллинг, колеблясь, ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Габсбургской монархии на целостность и независимость Сербии. На это А. Карлотти заметил, что если действительно таково твердое решение России, было бы полезно об этом недвусмысленно заявить в Вене, так как, по его впечатлению, Австро-Венгрия способна сделать в отношении Сербии непоправимый шаг в расчете на то, что Россия, хотя и будет возражать на словах, всё же не решится силой ограждать Сербию от пося-

гательств Австро-Венгрии. «Между тем, если бы в Вене отдали себе отчет в неизбежности столкновения с Россией, там, по всем вероятностям, призадумались бы над последствиями слишком решительной противосербской политики». Барон Шиллинг в ответ сказал послу, что может самым решительным образом подтвердить ему только что им сказанное о твердом намерении России не допустить ослабления или унижения Сербии, а потому, если настроение в Вене действительно таково, каким посол его только что описал, то барону Шиллингу кажется, что «было бы долгом прежде всего союзниц Австро-Венгрии предупредить её об опасности, к которой ведет её политика ввиду несомненной решимости России встать на защиту Сербии»⁵. В тот же день С.Д. Сазонов принял графа Фридриха Сапари, посла Австро-Венгрии в России, который в самых миролюбивых выражениях говорил о полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией. «Его заверения были до такой степени положительными, — записано в Дневнике, — что вполне успокоили министра»⁶. Тем не менее шла активнейшая дипломатическая подготовка к блокированию действий Австро-Венгрии, а также имели место превентивные действия на случай начала полномасштабной войны. 24 июля 1914 г. именно Ф. Сапари уведомил российское правительство об объявлении войны, которая стала Первой мировой.

По единодушному мнению руководителей России и её союзниц, особую роль в помощи Сербии должна была сыграть Греция, находившаяся с сербами в союзнических отношениях. Это соответствовало военной конвенции, подписанной в Салониках 19 мая (1 июня) 1912 г. накануне Второй Балканской войны 1913 г., одновременно с греко-сербским договором, заключенным после завершения Первой Балканской войны, который подписали греческий посланник в Белграде И. Александропулос и сербский в Афинах М. Бошкович. Договаривающиеся стороны обязались добиваться установления общей греко-сербской границы в освобожденной от турецкого господства Македонии путем раздела ее территории к западу от реки Вардар между Сербией и Грецией, войска которых заняли эти районы в ходе войны (ст. 3). Для нас важнее всего секретное приложение к греко-сербскому союзному

договору — военная конвенция, которая устанавливала принципы совместного ведения войны против Болгарии в случае нападения со стороны последней. Заключение греко-сербского союзного договора означало отказ Сербии от условий болгаро-сербского договора 1912 г. о разделе Македонии и являлось дипломатической подготовкой Второй Балканской войны⁷. На начало и в ходе Первой мировой войны условия изменению не подвергались. Однако державам Согласия пришлось потрудиться, чтобы этот договор в конце концов был греками исполнен.

Вторая «Оранжевая книга» вышла уже после начала Первой мировой войны. В нее вошли документы, непосредственно ей предшествовавшие: 79 телеграмм и нот, направленных друг другу будущими участниками войны (правительствами Австро-Венгрии, Сербии, России, Англии, Германии, Италии, Франции), а также два манифеста императора Николая II, его речь в Зимнем дворце 26 июля 1914 г. и речи председателя Государственной думы и председателя Совета министров на историческом заседании Госдумы 26 июля 1914 г. В стенографическом отчете этого заседания приводится, в том числе, речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который говорил: «Господа, члены Государственной думы! В трудные минуты ответственных решений правительство почерпнуло силы в сознании полного единomyслия своего с народной совестью [...] В осознании необъятных задач, связанных с её внутренним развитием и преуспеванием, Россия не со вчерашнего дня дала многочисленные доказательства своего искреннего миролюбия; только благодаря этому миролюбию в Европе был предотвращен пожар, готовый разгореться, когда в 1912–1913 гг. возникла борьба на Балканах. Не в ней, не в русской политике заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россия никогда не полагала в тщеславном бряцании оружием, в попрании чужого самолюбия, в пренебрежении к правам слабых. Спокойная, мирная мощь России не давала покоя её врагам»⁸. «Нужно ли напоминать вам о всех попытках Австро-Венгрии подорвать историческое положение России на Балканах? — продолжал министр. — Пришел час, когда я могу здесь, не обинуясь, сказать, что её старанием удалось посеять братоубийственную рознь между Болгарией и её союз-

никами. Но подвергшееся тяжелым испытаниям дело единения православных народов Балканского полуострова, бог даст, не погибнет. [...] Раздираемая внутренними неурядицами Австро-Венгрия решила выйти из них каким-нибудь смелым шагом, который создал бы впечатление её силы, нанеся в то же время России унижение. Для этой цели была выбрана Сербия, с которой нас связывают узы истории, происхождения и веры. Вам известны условия, при которых Сербии был предъявлен ультиматум. Согласившись на него, Сербия стала бы вассалом Австрии. Было явно, что для нас не вступить в дело — значило бы не только отказаться от вековой роли России, как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за её спиной Германии для Европы есть закон. На это не могли согласиться ни мы, ни Франция и Англия. Россия не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести к мирному разрешению конфликта. В этом направлении были честно до конца исчерпаны все усилия наши и наших союзников. Вы убедитесь в этом из документов, которые будут обнародованы, которые излагают последовательный ход переговоров. Мы твердо стояли на одном условии: готовые принять всякий компромисс, способный без умаления её достоинства быть принятым Австрией, мы исключали всё, что могло задеть самостоятельность и независимость Сербии»⁹.

В связи с выступлением Австро-Венгрии против Сербии германский император Вильгельм II в телеграммах Николаю II 25–28 июля 1914 г. заверял, что оказывает всё свое влияние на австрийцев для достижения «удовлетворительного соглашения» с Россией¹⁰. Но всё говорило о неизбежности войны.

Позиция российского общества, причем не только верхних эшелонов власти, но и всех её слоев, в самом начале Первой мировой войны в отношении Сербии была абсолютно единодушной. В Дневнике МИД 16 июля 1914 г. записано: «...Днем появились сначала небольшие, а потом несколько большие толпы людей, несших царские портреты и национальные флаги с пением гимна и «Спаси, Господи, люди твоя!». Манифестанты остановились перед Зимним дворцом, а также перед зданиями Военного министерства и Министерства иностранных дел»¹¹. Народ был настолько политизирован, что его интересовали все нюансы

международной политики, в том числе возмущало нежелание Греции немедленно вступить в войну для оказания помощи её союзнице Сербии. Иллюстрацией к этому может служить патриотическое стихотворение 19-летнего Сергея Есенина, совершенно не характерное для него, которое немедленно было опубликовано в шестом номере еженедельного иллюстрированного журнала «Огниво» за 1914 год, издававшегося в Петрограде. Стихотворение так и называлось — «Греция».

*Могучий Ахиллес громил твердыни Трои.
Блистательный Патрокл сраженный умирал,
А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие левкой.
Над прахом горестно слетались с плачем сои,
И лунный серп сеть туник прорывал.
Усталый Ахиллес на землю припадал,
Он нес убитого в родимые покои.
Ах, Греция! мечта души моей!
Ты сказка нежная, но я к тебе нежней,
Нежней, чем к Гектору, герою, Андромаха.
Возьми свой меч. Будь Сербии сестрою.
Напомни миру сгинувшую Трою,
И для вандалов пусть чернеют меч и плаха¹².*

Однако королевская Греция с первых дней войны объявила о своем доброжелательном к державам Антанты нейтралитете, несмотря на то, что часть политиков во главе с премьер-министром Элефтериосом Венизелосом ратовали за немедленное вступление в войну на помощь Сербии. Но, правда, помощь Греции могла быть оказана лишь при определенных гарантиях неприкосновенности вновь приобретенных греческих территорий, завоеванных в двух Балканских войнах¹³.

Уже к 7 ноября 1914 г. из-за недостатка боеприпасов и угрозы её охвата неприятелем сербская армия отошла в глубь страны, оставив Белград, а сербское правительство в начале войны переехало в г. Ниш. Требовалась немедленная помощь её союзниц по Антанте.

МИД России сосредоточил свои усилия на переговорах о территориальных уступках балканских стран друг другу, как основы

вступления в войну на стороне держав Антанты. 10 ноября 1914 г. в Дневнике МИД подчеркивалось, что Сербии будет легче сделать уступки в пользу Болгарии, если таковые последуют не только со стороны одной Сербии. При этом румынскому посланнику в России К. Диаманди было указано на желательность сплочения блока Румынии, Сербии и Греции с тем, чтобы привлечь к нему, если окажется возможным, также и Болгарию. В случае отказа последней тройной блок Румынии, Сербии и Греции мог бы оказывать желательное давление на неё¹⁴.

Даже Италия, соблюдавшая выжидательный нейтралитет, была обеспокоена ситуацией, грозившей ей самой потерей территорий. Поэтому 25 ноября 1914 г., как записано в Дневнике МИД, итальянский посол в России А. Карлотти посетил С.Д. Сазонова для обсуждения главного вопроса, стоявшего на повестке дня, — о военной помощи Сербии со стороны Греции. Итальянский посол предлагал обсудить с Сазоновым предоставление Греции неких гарантий со стороны Болгарии, еще не ставшей союзницей Германии¹⁵. 26 апреля 1915 г. в Лондоне было подписано Соглашение между Россией, Францией, Великобританией и Италией об условиях вступления последней в войну. Италия соглашалась, среди прочего, оставить на восток от Албании территорию, достаточную для обеспечения существования общей границы Сербии и Греции к западу от Охридского озера¹⁶.

Удачные действия сербских сил, получивших от держав Антанты помощь артиллерией и боеприпасами (в том числе от Греции), против австро-венгерской армии в августе–декабре 1914 г. привели к практически полному изгнанию последней с территории Сербии и последовавшему после этого затишью на Балканском фронте до октября 1915 г.

Выступая 27 января 1915 г. в Государственной думе С.Д. Сазонов говорил, что «тесно сплоченная Россия не осталась одинокой, и с ней вместе выступили единомышленные с нами Франция и Англия...»¹⁷ «Обнажив свой меч на защиту Сербии, — продолжал министр, — Россия была верна своим заветным чувствам по отношению к братским народам. Только настоящая война дала нам истинное представление о величии сербского духа и сковала русский народ с сербским тесными узами». В продолжительной

речи С.Д. Сазонова, естественно, уделялось место и Греции, отношение к которой у России «всегда носило самый сердечный характер». Говорилось, что Россия будет всячески поддерживать стремление эллинского народа положить конец страданиям своих союзников-сербов¹⁸.

В Дневнике МИД есть записи о том, что еще 16 (29) мая 1915 г. державы Согласия воздействовали на Грецию (как и на другие балканские народы), чтобы она уступила Кавалу Болгарии, получив взамен вне-балканские компенсации, в частности Смирну с прилегающими к ней районами. На такие территориальные приобретения в Малой Азии греческий премьер Венизелос был согласен, но греческий король Константин I называл передачу Кавалы болгарам «чудовищной несправедливостью». Сознвая непрочность своего положения, Венизелос был вынужден сделать уступку сторонникам короля, т.е. роялистам, стремившимся к самому узкому толкованию греко-сербского союзного договора. Летом 1915 г. внутривосточная борьба за выбор Греции, на чью сторону встать, только обострилась. Неудачи Антанты на фронтах укрепляли веру греческого двора и прогерманского генштаба в неизбежность победы Центральных держав. В беседах с посланниками Антанты король Константин открыто высказывал германофильские убеждения и желание сохранять нейтралитет. Тем более, что из разговоров с германским императором он вынес впечатление, что Болгария несомненно выступит заодно с Турцией и Германией. И не ошибся, ведь Болгария считала себя несправедливо обделенной в годы Второй Балканской войны. Уже 3 сентября в официальной прессе Греции появились разъяснения, что греко-сербский договор имеет своей целью сохранение статус-кво только на Балканах, т.е. отказ своей союзнице в помощи в ее борьбе против Австро-Венгрии и Германии, так как оба эти государства не являлись балканскими. Король соглашался выполнить союзные обязательства по отношению к Сербии при наличии румынской помощи Греции, что было мало исполнимо.

Однако державы Согласия все ещё надеялись на привлечение болгарских сил на свою сторону и 16(29) мая 1915 г. предложили Болгарии ряд территориальных компенсаций в случае её немедленного вступления в войну против Турции. Державы были

согласны: 1) уступить Болгарии Восточную Фракию, 2) обеспечить её владение Македонией в границах 1912 г. при условии получения Сербией соответствующих компенсаций в Боснии и Герцеговине и на Адриатическом побережье, а также при условии, что Болгария не вступит в указанную местность до заключения мира¹⁹.

В начале осени 1915 г. армии Центрального блока перешли в наступление на Балканском фронте, где их позиции значительно усилились в результате заключения 3 сентября 1915 г. болгаро-турецкого соглашения и подписания 6 сентября военной конвенции и союзного договора между Болгарией, Германией и Австро-Венгрией. Болгария, заключившая тайные соглашения, по которым ей были обещаны значительные территориальные приобретения за счет Сербии и Греции, приступила к мобилизации армии. Днем 8 сентября 1915 г. в МИД России были получены из Софии несколько телеграмм о болгарской мобилизации. По указанию министра было немедленно решено: 1) сообщить союзникам, что, по мнению МИД России и лично С.Д. Сазонова, в случае нападения болгар на сербов, желательно заблокировать эгейские порты, чтобы помешать подвозу Болгарии военных припасов, а также, что казалось бы необходимым, провести различие между болгарским народом и царем Фердинандом, возлагая всецело на последнего ответственность за создавшееся положение; 2) посоветовать Сербии не подавать болгарам повода сослаться на вызов со стороны сербов в оправдание своих наступательных действий и даже, по возможности, воздержаться от сопротивления в случае вступления болгар в Македонию; и 3) обратиться в Бухарест и Афины с призывом к оказанию помощи Сербии²⁰. Все решения были немедленно доведены до глав балканских государств российскими посланниками.

12 сентября 1915 г. в 5 часов вечера болгарский посланник посетил министра иностранных дел России и сделал ему, по предписанию своего правительства, заявление о переходе Болгарии к вооруженному нейтралитету. Тем временем в МИД приехал сербский посланник в России (в 1914–1917 гг.) Мирослав Спалайкович. Будучи принят товарищем министра А.А. Нератовым, он доказывал, что, выступив сейчас против болгар, Сербия без

труда могла бы занять Софию. Если же Болгария успеет сосредоточить войска против Сербии, то последняя будет разгромлена прежде, чем поспеет помощь союзников. Спалайкович добавил, что не понимает, зачем Никола Пашич (председатель Совета министров и министр иностранных дел в 1913–1918 гг. — *О. С.*) запрашивает державы о том, следует ли Сербии взять на себя почин военных действий. Понятно, что державы на подобный вопрос могут ответить лишь отрицательно. Поэтому Спалайкович намерен посоветовать Пашичу поставить державы перед свершившимся фактом. Узнав об этом уже в 6.30 вечера, С.Д. Сазонов немедленно вызвал сербского посланника и самым решительным образом указал ему, что если Сербия первая нападет на Болгарию, то она лишится сочувствия всех своих союзников и не сможет рассчитывать на их содействие против неизбежного натиска австро-немцев²¹.

Премьер-министр Греции Венизелос, узнав о болгарской мобилизации, потребовал от короля Константина также провести мобилизацию, угрожая в противном случае уйти в отставку. Король отвечал ему: «Вы знаете, что я не хочу помогать сербам, так как убежден в победе Германии и не намерен подвергать свою страну разорению». Однако вскоре он подписал декрет о мобилизации греческой армии, взяв курс на вооруженный нейтралитет²².

23 сентября 1915 г. около 8 часов утра Петроградское телеграфное агентство получило известие из Афин об отставке Венизелоса. В 9 часов утра в МИД была получена телеграмма о том же от российского посланника в Афинах (1912–1917 гг.) Э.П. Демидова. Впечатление, произведенное этим известием в Петрограде, как было записано в Дневнике МИД, было «весьма сильное и неблагоприятное»²³. Следует сказать, что между державами Антанты, стремившимися привлечь Грецию на свою сторону, существовали серьезные разногласия. Так, французское правительство, отстаивавшее план активных наступательных операций на Балканах, считало необходимым поддержать существующее в Греции проантантовское движение венизелистов, противопоставив его сторонникам короля и прогерманскому правительству С. Скулудиса. По словам Э.П. Демидова, оно не останавливалось даже перед возможностью свержения греческого монар-

ха, а за содействие Греции наступательному плану на Балканах готово было передать ей болгарскую Фракию. В августе 1915 г. дипломатия Антанты приложила немало усилий, чтобы вернуть к власти Э. Венизелоса, по-прежнему выражавшего готовность сделать территориальные уступки Болгарии с целью ее привлечения к Антанте, а также подтверждавшего союзнические обязательства Греции в случае нападения Болгарии на Сербию.

Как мы знаем, Россия строила свои отношения с Грецией в годы войны на основе сохранения в силе греко-сербского договора. «Путь наш в Афины, — писал Э.П. Демидов, — лежит через Белград. При тесном сплочении Сербии и Греции мы сможем с помощью первой воздействовать на последнюю и, пользуясь этим звеном, отвлечь внимание Греции от утопических ее замыслов на Востоке»²⁴. 25 сентября 1915 г., как записано в Дневнике МИД, С.Д. Сазонов посетил поверенный в делах Греции в России (в 1915–1916 гг.) Димитриос Какламанос, чтобы объяснить по поводу объявленного греческим правительством вооруженного нейтралитета. Сазонов указал Какламаносу, что термин «вооруженный нейтралитет» заимствован греческим правительством от болгар. Однако путь, избранный болгарским правительством, оказался несчастным для Болгарии. Как бы решение придерживаться вооруженного нейтралитета, принятое греческим правительством, не имело тех же неблагоприятных результатов и для Греции, предупредил министр. Сведения, полученные из Афин, производят впечатление, что Греция собирается отказаться от союзнических обязательств по отношению к Сербии. «Трудно поверить, — говорил министр, — чтобы греки придавали значение обещанию немцев гарантировать Кавалу от имени болгар». Сазонов утверждал, что болгары откажутся от этого обязательства, как только им удастся раздавить Сербию. Поэтому Греции необходимо выступить, пока еще не поздно, против Болгарии. Министр сказал посланнику, что он придает большое значение мужеству сербской армии и что в настоящее время обсуждается вопрос о посылке русских войск на помощь сербам. В заключение С.Д. Сазонов не скрыл от посланника того отрицательного впечатления, которое произвело как в Петрограде, так и среди союзников, принятое Грецией решение сохранить нейтралитет²⁵.

1 (14) октября 1915 г. Болгария напала на Сербию, которая теперь была охвачена с севера и востока превосходящими австро-венгерскими, германскими и болгарскими силами, что поставило малочисленную сербскую армию в тяжелое положение. В исключительно трудных условиях, отражая наступление войск германской коалиции, она отходила к берегам Адриатики; вместе с ней уходила и значительная часть сербского населения. Часть сербской армии (около 120 тыс. человек) эвакуировалась на греческий о. Корфу.

По совету англичан Венизелос 4 октября уведомил парламент о том, что предложения Антанты относительно территориальных уступок Греции в пользу Болгарии после того, как последняя провела мобилизацию, утратили силу. Он заявил о неизбежности союза с Сербией и согласился с требованием оппозиции опубликовать текст греко-сербского союзного договора.

На следующий день, 5 октября 1915 г., в Салониках, отошедших к Греции в 1913 г. в результате Балканских войн, высадился, с согласия правительства Греции, англо-французский экспедиционный корпус и был развернут новый, Салоникский фронт, сыгравший значительную роль в войне. Целью высадки было желание оказать помощь Сербии против наступления австро-германо-болгарских войск. Новые контингенты английских, сербских и французских войск высадились в Салониках, а за два часа до этого король Константин уволил Венизелоса в отставку, несмотря на то, что последний получил в парламенте 4 октября большинство при голосовании вопроса о доверии в его пользу. В тот же день Константин телеграфировал кайзеру Вильгельму: «Я избавился от Венизелоса!»²⁶. С.Д. Сазонов предлагал «не смущаться отставкой в Греции сторонника Антанты премьера Э. Венизелоса [...], и не только не отказываться от начатой высадки союзного десанта, но по возможности ускорить таковую»²⁷.

25 октября (7 ноября) 1915 г. был образован новый греческий кабинет под председательством Стефаноса Скулудиса, который также занял пост министра иностранных дел (просуществовал с октября 1915 г. по июнь 1916 г.). Уже 27 октября (9 ноября) 1915 г. С. Скулудис направил в греческую миссию в Петрограде телеграмму, в которой поручал поверенному в делах Д. Каклама-

носу еще раз переговорить с С.Д. Сазоновым и вновь заверить российскую сторону в том, что новый кабинет «намерен продолжать ту же политику», а именно, политику «вооруженного нейтралитета, отмеченного искренним доброжелательством к державам Соглашения»²⁸. Сазонов заявил, что решение Греции сохранять нейтралитет производит отрицательное впечатление на союзников, и сообщил, что русские войска также будут высажены в Салониках.

В связи с неудачным ходом салоникиской операции на начальном этапе английское верховное командование к 20-м числам ноября 1915 г. склонялось в пользу отозвания союзных войск с Салоникиского театра военных действий для использования их в Сирии, Египте и на французском фронте. Между командованиями русским и французским, с одной стороны, и английским, с другой, возникли по этому вопросу острые разногласия. Не имея возможности принять в ближайшее время участие в салоникиской операции, Россия выступала против проекта эвакуации корпуса²⁹. Русский экспедиционный корпус позже вошел в состав межсоюзнических воинских контингентов. Сохраненные кадры сербской армии (около 150 тыс. человек) были весной 1916 г. переброшены на Салоникиский фронт.

Расчеты Сербии и держав Антанты на привлечение Греции на свою сторону рухнули, и хотя король уже 6 октября объявил, что союзники могут продолжать высаживать войска в Салониках, Греция перестала играть прежнюю роль, заняв позицию неприкосновенности ни к одной из воюющих коалиций и рассматривая присутствие войск Антанты на своей территории всего лишь как гарантию от нападения Болгарии. Но дипломатия стран Соглашения не сдавалась и попыталась удалить «опасную занозу», которой, по выражению Ллойда Джорджа, была непокорная Греция в тылу союзнических сил. Державы поставили задачу обезопасить их пребывание на греческой территории, примирить общественное мнение Греции с фактом высадки англо-французских войск в Салониках, нейтрализовать все попытки оказывать помощь Германиии, а также способствовать созданию благоприятной ночвы в стране для возвращения к власти Э. Венизелоса, обещавшего при первой же возможности объявить войну Центральным державам³⁰.

Главнокомандующий союзными силами на Салоникском фронте генерал М. Саррайль в конце 1915 г. заявил греческому правительству, что союзники предпримут меры по укреплению обороны Салоник, и потребовал отвести греческие войска из города. При этом союзники обещали на случай нарушения греческой границы Германией не покидать Салоник, но и не воевать на территории Греции без согласия последней. Греции была оказана значительная финансовая помощь³¹. Греческое правительство, желая выиграть время и дожидаться прихода германо-болгарских сил, не торопилось выполнять требования союзников и чинило различные препятствия Саррайлю: разоружило отступавшие на греческую территорию сербские войска, распорядилось, якобы для нужд греческой армии, угнать в Серры 70 вагонов, которые использовались союзниками для перевозки войск³². В качестве ответных мер на действия греческой стороны Франция, Англия и Италия строго ограничили греческий импорт зерна, риса, кофе, каменного угля и сократили экспорт из Греции коринки, фруктов и прочего, задерживали в своих портах большую часть греческих пароходов³³. 1(14) ноября 1915 г. посланник России в Греции Э.П. Демидов направил С.Д. Сазонову телеграмму, в которой сообщал о подготовке проекта коллективной ноты представителей союзных держав в Афинах греческому правительству с изложением требований в связи с предстоящим прибытием в греческие воды союзной эскадры. В ноте говорилось о необходимости положить конец двусмысленному положению Греции, в котором она оказалась. Союзники потребовали от греческого правительства дать формальные обязательства в случае перехода союзными войсками её границ, не подвергать их обезоруживанию и интернированию, а также предоставить свободу передвижения как союзных армий, так и союзных эскадр; разрешить размещение необходимых баз и обеспечить безопасность путей сообщения³⁴.

29 ноября 1915 г. между Парижем и Лондоном было достигнуто соглашение, согласно которому союзные войска отступали из Македонии к Салоникам и оставались там на укрепленных позициях; прибывший ранее в Салоники английский десант продолжил высадку, но дальнейший план действий зависел от общего хода событий.

17 января 1916 г. в интервью газете «Речь» С.Д. Сазонов, говоря о печальном положении в западной части Балкан, где катастрофа с сербской армией повлекла за собой тяжелые последствия и для Черногории, все-таки не считал эти провалы окончательными, поскольку судьба балканских государств тесно связана с судьбой союзников. «Балканский вопрос будет решен не теперь, а по окончании войны, — заключал министр. — Мы твердо уверены, что несчастное положение, в котором очутились Сербия и Черногория, изменятся к лучшему. Временные испытания, выпавшие на их долю, окончатся одновременно с общим торжеством правого дела, за которое бьются державы Согласия»³⁵.

Инициативы Франции по усилению венизелистского движения привели к дальнейшему обострению внутривосточной борьбы в Греции между сторонниками короля Константина и лидера либеральной партии Э. Венизелоса. Раскол греческого общества и, в свою очередь, греческой армии являлся одной из наиболее характерных черт положения в Греции в этот период. Однако правительство, чутко улавливая изменения военной обстановки на фронтах (усиление союзнических сил в Македонии, успехи русской армии на Кавказском фронте и ослабление наступательных сил Германии, что не дало быстро установить прямую связь между Берлином и Афинами), проводило политику лавирования. Взятие Эрзурума (Эрзерума) и Трабзона (Трапезунда) русскими войсками также произвело большое впечатление в Греции, поколебав ее уверенность в скорой победе Германии. Более того, в стране постепенно назревал финансовый кризис, «последствия которого могли оказаться катастрофическими»³⁶.

9 февраля 1916 г. С.Д. Сазонов, «с высочайшего соизволения императора», в четвертый раз с начала войны представил членам Государственной думы «картину общего политического положения» и заверил, что «императорское правительство по-прежнему остается непреклонным в своей решимости довести дело до одоления врага. В этом отношении оно вполне единодушно как с русским народом, так и с нашими верными союзниками». Комментируя балканские дела, Сазонов сказал: «Уверенность в выполнении греками принятых на себя по договору обязательств вынуждала Сербию и её союзников к особой осторож-

ности, дабы не лишиться греческой помощи. Сербская верховная команда имела возможность предупредительным движением помешать доведению до конца болгарской мобилизации. Не было ни малейшего сомнения в том, что эта мобилизация являлась враждебным против Сербии и её союзников актом, а потому в то время, когда болгарские войска сосредотачивались, нападение на Болгарию было бы только мерой самозащиты. Однако сербское правительство не пожелало взять на себя ответственность за начало братоубийственной войны, но великодушные, проявленное им, не нашло отклика в Греции, правительство которой дало своеобразное толкование обстоятельствам, взятым на себя в отношении к Сербии. Не обезопасив себя вóвремя со стороны болгар и не получив следуемой по договору помощи от греков, сербская армия, которую ни на минуту не покинули король и его правительство, явила чудеса стойкости и несокрушимого мужества. Отстаивая каждую пядь своей земли и нанося тяжелые потери численно превосходившим их врагам, сербы пробились наконец до последнего их убежища — моря. Я могу засвидетельствовать перед вами, что сербское правительство и армия с беспрецедентной самоотверженностью исполнили свой долг по отношению к общему делу. Ныне, благодаря особой заботливости и усилиям наших союзников и в особенности Франции, сербская армия перевезена на Корфу. Конечно, численностью она уступает той воинской силе, на которую в минувшем октябре набросились со всех сторон германцы, австрийцы и болгары. Но армия эта крепка духом, и в этой силе духа лежит верный залог возрождения Сербии»³⁷. К этому времени Румыния всё больше зависела от германского руководства и была в шаге от присоединения в Тройственном союзу.

В Дневнике МИД имеется интересная запись от 13 мая 1916 г., из которой следует, что в это время державы уже начали подготовку к мирному конгрессу. Так, несмотря на пережитую катастрофу, во время посещения советника Второго Политического отдела МИД России сербский министр-президент Н. Пашич и состоящий при нём зам. министра иностранных дел Йован Йованович заявили, что сербское правительство уверено в том, что на будущем мирном конгрессе Сербия будет допущена к участию

в качестве воюющей на стороне Согласия державы. Однако Пашич выразил сожаление, что заявление великих держав о приглашении Бельгии на будущий мирный конгресс не было также направлено и Сербии. По словам Пашича, «участие сербского представителя в мирных переговорах принесет также огромную пользу державам Согласия, так как облегчит им сложный труд разбираться во всех вопросах, связанных с восстановлением Сербского королевства». Пашич прибавил, что с просьбой о приглашении Сербии на Конгресс он уже обратился к министру иностранных дел России, от которого получил ответ, что принципиально Сербия имеет бесспорные права на непосредственное участие в будущих переговорах, но что он, вместе с тем, ожидает сильной оппозиции в этом отношении со стороны Италии. Пашич сказал также, что по полученным им недавно от королевича Александра (в 1914–1921 гг. — принц-регент, будущий сербский король. — *О. С.*) сведениям, успешное наступление Солунской союзной армии возможно будет в том случае, если помимо прибывающих сербских войск на Македонский фронт будет прислано еще 50 батальонов союзников. Об этом Пашич будет говорить в Лондоне, так как, по-видимому, при настоящих обстоятельствах только одни англичане могли бы послать нужные подкрепления³⁸.

В МИД России в середине сентября 1916 г. поступило сообщение о том, что французского посланника в Афинах (в 1916–1917 гг. — *О. С.*) Жана Гильмена посещал Диамантидис, один из видных членов венизелистской партии, и сообщил следующее: несколько дней тому назад его, Диамантидиса, посетил директор Политического отдела Н. Политис и, по-видимому, по поручению короля, заявил, что его величество готов исполнить желание держав Согласия и объявить войну Болгарии, но что для осуществления этого необходимо, чтобы державы произвели на короля давление и тем помогли бы ему пойти по новому пути. По словам Диамантидиса, король будто бы готов призвать к власти новый кабинет и допустить в него несколько венизелистов. Гильмен, донося об этом своему правительству, полагает, что подсказанный королем прием находится в некотором противоречии с установкой держав о необходимости избегать прямого вмешательства во внутренние дела Греции³⁹. Россия была пол-

ностью согласна с такой точкой зрения. Однако сами события подвели Грецию к неизбежному решению. После многих колебаний и очевидного укрепления салоникского правительства Э. Венизелоса утром 14 сентября 1916 г. греческий посланник в Петрограде Панас (в 1916–1917 гг. — *О. С.*) посетил министра иностранных дел Бориса Владимировича Штюрмера (с 20 января по 10 ноября 1916 г. — председатель Совета министров, одновременно, до 7 июля того же года, — министр внутренних дел, а затем министр иностранных дел. — *О. С.*) и вручил ему ноту, в которой сообщалось о решении Греции примкнуть к державам Согласия, как только при их содействии ей удастся закончить снабжение и мобилизацию своей армии. Говоря о компенсациях во Фракии, греческий посланник упомянул, между прочим, о Дедеагаче, отметив, что текст ноты был выработан по приказанию короля Константина в Правительственном совете и одобрен его величеством для сообщения союзным правительствам⁴⁰.

В конце сентября 1916 г. Венизелос обратился к национальному герою, участнику Балканских войн адмиралу П. Кундуриотису, с призывом сформировать временное правительство и добровольческую армию, которая будет воевать против Болгарии. Получив согласие адмирала, Венизелос 9 октября объявил о формировании временного правительства и обратился с «Воззванием к эллинскому народу и королю». Он призвал Константина встать во главе национального движения, сохранив единство страны, и присоединиться к Антанте, угрожая в ином случае «прибегнуть к революционным средствам»⁴¹. Однако Константин не откликнулся на призыв Венизелоса, в результате чего фактически произошел раскол страны на две части — на Старую и Новую Грецию. Центром временного правительства Венизелоса вскоре стали Салоники, где находились англо-французские войска. Венизелистами была широко развернута патриотическая пропаганда, основанная на Великой идее греков.

В связи с отказом афинского правительства выполнять условия соглашения, а также после объявления правительством Венизелоса 23 ноября 1916 г. войны Болгарии и Германии и присоединения греческих добровольческих отрядов к армии генерала Саррайля были предприняты меры, ставившие Грецию в пол-

ную почти зависимость от союзников. Был, в частности, введен контроль за снабжением хлебом и мукой Фессалии, из Греции были удалены посольские и консульские представители Центральных держав, греческие войска были выведены из областей, где находились союзники, создана нейтральная зона.

8 декабря 1916 г. державы Антанты установили блокаду всей территории Греции, сделав ее «строгой»⁴² и за два с половиной месяца поставили страну в полную зависимость, лишив ее не только хлеба, но и права самой выбирать свой политический путь развития. В Заявлении министра иностранных дел России (с ноября 1916 г. по март 1917 г. — *О. С.*) Николая Николаевича Покровского, сделанном на заседании Государственной думы 2 декабря 1916 г., говорилось о «непоколебимом решении России находиться в полнейшем единодушии со всеми своими доблестными союзниками. Все мы одинаково проникнуты жизненною для нас необходимостью довести войну до победоносного конца и не дадим остановить нас на этом пути никакими уловками наших врагов»⁴³.

На заседании руководства МИД 8 января 1917 г. обсуждались вопросы, поставленные на конференции союзников в Риме. По мнению МИД России, следовало бы поднять вопрос, возбужденный королевичем Александром Карагеоргиевичем, относительно отведения сербских войск в тыл для отдыха и укомплектования. Наравне с этим подлежит разрешению вопрос о пополнении сербской армии⁴⁴.

8 января 1917 г. участники Римской конференции стран Антанты от имени Англии, Франции, России и Италии обратились к правительству Греции с нотой, в которой содержались ультимативные требования союзников — транспортировка греческой армии и техники на Пелопонесский полуостров, союзный контроль за этим процессом. В случае скорейшего выполнения всех требований союзники обещали с уважением отнестись к желанию афинского правительства сохранить нейтралитет и не допускать распространение венизелизма. Однако уже 12 января союзные державы передали Греции дополнительную ноту, требуя немедленного принятия без всяких оговорок ультиматума от 8 января 1917 г. Греческое правительство ответило нотой, в которой выра-

жалось согласие на все требования без оговорок. Это несколько не остановило державы Согласия, которые вскоре развернули широкую политическую кампанию, смысл которой сводился к необходимости решительных действий против «берлинского филиала при дворе короля Константина», а также к усилению венизелистского движения⁴⁵.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России оказала огромное влияние также на греческие дела, разорвав все династические узы, связывавшие афинский и петербургский дворы, лишив Константина ощутимой поддержки со стороны русского царизма; революция также всколыхнула весь греческий народ, усилив в нем политическую активность. После встречи глав афинского и салоникинского правительств, организованной на борту французского судна «Веритэ», 24 июня 1917 г. премьер А. Заимис подал в отставку. Молодой король Александр доверил формирование нового кабинета министров Венизелосу, который занял в правительстве также пост военного министра. Министром иностранных дел был назначен Н. Политис — ярый антантофил, занимавший в разных правительствах пост генерального директора политического отдела МИД.

Весной 1917 г. в мировую войну вступила новая могучая сила в лице США, укрепив позиции Антанты. Стрелка политического барометра многих нейтральных стран, в том числе Греции, стала склоняться в сторону держав Согласия.

На заседании руководства МИД 8 января 1917 г., на котором присутствовали все высшие чины МИД России, были также обсуждены и одобрены меры воздействия на Грецию, которая, «несмотря на обещания, всё же внушает недоверие»⁴⁶.

Образовав новое правительство, Венизелос 2 июля 1917 г. объявил Грецию в состоянии войны с Центральными державами и пообещал оказать Сербии помощь в соответствии с греко-сербским договором 1913 г., который был ранее нарушен королем Константином и германофильскими правительствами Греции. Для восстановления прежних тесных сношений и союза с Сербией посланником Греции при сербском правительстве, которое вскоре переехало в Салоники, назначался бывший посланник в Белграде И. Александропулос — горячий сторонник военного

выступления Греции на стороне Антанты и оказания помощи Сербии. Была поставлена задача согласовать действия штабов обеих армий, чтобы сербско-греческие силы стали ядром салоникской армии. Английское правительство, стремившееся заменить ими свои войска и недовольное активностью Франции в греческом вопросе, обратилось к Временному правительству России с просьбой поддержать на предстоящей в середине июля конференции союзников в Париже предложение относительно замены генерала Саррайля другим, более подходящим лицом. Англичане поддержали идею Венизелоса (его «всегдашний конёк») о создании балканского блока Сербии, Румынии, Греции, и с середины июля между главами этих государств возобновился обмен мнениями⁴⁷.

Всё внимание греческого премьера было теперь сосредоточено на создании боеспособной армии, которая могла бы сражаться совместно с союзниками на Салоникском фронте, завоевывая таким образом право Греции на участие в мирных переговорах⁴⁸.

В августе 1917 г. греческий МИД, по согласованию с сербским правительством, опубликовал в так называемой «Белой книге» почти полный текст греко-сербского союзного договора и военной конвенции.

Примечания

¹ «Оранжевая книга». Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. Август 1912 — июль 1913 гг. СПб., 1914.

² Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. Тула, 2014.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 4. Гаага-Двин, 1963.

⁸ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 176, 177.

⁹ Там же. С. 177.

¹⁰ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. 1914–1917. Т. V. М., Л., 1931–1938. С. 188–189.

¹¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 31.

- 12 Esenin-poet.ru | greciya | обращение/ 6-01-2021; *Прилепин Захар*. Есенин. Обещая встречу впереди. М., Молодая гвардия, 2020. С. 89.
- 13 *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1990. С. 21–25.
- 14 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 45–46.
- 15 Там же. С. 748.
- 16 Там же. С. 221.
- 17 Там же. С. 205.
- 18 Там же. С. 208.
- 19 Там же. С. 84.
- 20 Там же. С. 90, 91.
- 21 Там же. С. 92.
- 22 Более подробно о внутриполитической борьбе в Греции см.: *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. Глава 1.
- 23 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 94.
- 24 *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 81.
- 25 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 95.
- 26 *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 73.
- 27 Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922. С. 24.
- 28 Там же. С. 98.
- 29 Там же. С. 102.
- 30 *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 78.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же. С. 78, 79.
- 34 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 101.
- 35 Там же. С. 241.
- 36 *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 84.
- 37 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 249.
- 38 Там же. С. 142.
- 39 Там же. С. 166–167.
- 40 Там же. С. 166.
- 41 *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 94.
- 42 Там же. С. 102.
- 43 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 305.
- 44 Там же. С. 312, 313.
- 45 *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. С. 122.
- 46 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 310.
- 47 Там же. С. 161, 162.
- 48 Там же. С. 164.